

Королевская Гавань как изменилась, так и осталась прежней.

Улицы города постепенно оживали; ужасы попытки разграбления всё ещё были видны невооруженным глазом, но и они с каждым днём размывались потоком людей. Эта суета вновь утихла, когда королевский отряд двинулся по улице: Эйлор во главе, за ним повозка с грузом. Колокола септы Бэйлора начали звонить, окончательно утверждая информацию, которая до сего момента была полуофициальным слухом.

Король мертв. Да здравствует король!

Армия Эйлора разбила лагерь за воротами города. Командовал ею Рэндилл Тарли, управляющий и лоялистами, и бывшими повстанцами, которые получили строгий приказ от трёх Лордов Хранителей следовать приказам Тарли так же ревностно, как они следовали бы их собственным.

Старк, Аррен и Талли завершали мрачную процессию, прибыв в Королевскую Гавань, чтобы присягнуть на верность королю Эйгону Шестому. Рейгар, спустя несколько дней после своей кончины, был кремирован на Трезубце, как и полагалось по традиции Таргариенов. Однако его доспехи, меч и щит были выставлены на повозке вместе с короной, которую его брат редко надевал за время своего короткого правления.

На обычно шумных улицах было тихо; все взгляды устремлены на пустой доспех и принца, сидящего перед ним верхом. На лице Эйлора Таргариена, сквозь шрамы, проступало торжественное, слегка нетерпеливое выражение. Он хотел снова увидеть Элию. Хотел обнять Эйгона и пощекотать Рейнис. Семеро свидетели — он хотел пуститься вскачь и закончить со всем этим побыстрее, но нет, традиции требовали, чтобы он проводил «останки» своего брата в Великую Септу Бейлора. Он знал, что это ужасно с его стороны, так отчаянно желать отвергнуть этот последний долг, который он мог выполнить для своего брата, но... Рейгар мертв. Какими бы ни были разногласия братьев, и как бы не скорбел Эйлор, он всё же не понимал, каким образом сопровождение пустых доспехов может что-то изменить.

И всё же он делал то, что должно. Барристан, Оберин и Аларик ехали рядом, прямо за повозкой. Люди на улице расступались перед ним, из-за чего массивная фигура Воина казалась камнем, разрезающим поток.

Бедро Эйлора пульсировало едва ли не с каждым шагом Воина. Да рана всё ещё досаждала, пусть и заживала потихоньку, но принц почти не чувствовал этой боли, когда фантазировал о том, как держит на руках Элию. Он понимал, что любые их отношения, — особенно если они возникнут слишком скоро после смерти Рейгара, — вызовут политический резонанс, но второму сыну Эйриса было откровенно плевать. Он убил десятки людей, потерял десятки друзей и двух братьев, — одного по крови и одного по духу, — чтобы обеспечить безопасность Элии и детей.

Сейчас остановить его могли разве что сами Семеро.

Как только доспехи Рейгара оказались у септы, Эйлор пустил Воина в галоп — жители Королевской Гавани нырнули с дороги боевого коня и его всадника. Мысли об Элии заполнили его разум, пока он мчался к Красному замку; капитулировавшие лорды забыты, боль от раны — тоже. Ворота Красного замка едва успели распахнуться, как через них галопом промчался принц Таргариенов; вторые ворота в конце разводного моста холда Мейгора — аналогично.

Эйлор спрыгнул со спины Воина с едва сдерживаемым волнением от перспективы увидеть Элию и детей после более чем полугода войны, когда увидел сира Манфреда Дарка и Доннела Баквелла, приближавшихся со стороны холда.

Их лица были мрачны словно небеса Штормовых Земель.

— Манфред. — Радостно поприветствовал принц. — Прошло немало времени с нашей последней встречи.

— Да, Ваша Светлость. — Уродливый мужчина ответил, опустив глаза. Это показалось Эйлору странным, потому что Манфред никогда не выглядел... подавленным? Угрюмым, с едва сдерживаемой яростью, это да, но не подавленным.

— Черт возьми, Манфред, что случилось? Война закончилась, друг мой, и этот белый плащ тебе идет!

— Война не окончена, Ваша Светлость. — Взял слово лорд Баквелл, тоже не отрывая взгляда от земли. — Боюсь, она только началась.

Чувство ужаса прогнало сладостное волнение, которое он испытывал всего несколько секунд назад. Его улыбка померкла, сменившись озабоченным хмурым взглядом; аккуратно в этот миг, прибыли Оберин, Барристан и Аларик.

— Что случилось? — Потребовал ответа Эйлор, перекрикивая стук копыт.

— Тайвин Ланнистер и его сын сбежали, ваша светлость. — Заявил Манфред. — Ёбанный мейстер Пицель тайно привёз людей, переодетых в форму наших ёбанных гвардейцев.

— Затем он послал воронов ко всем вассалам Ланнистера, оставшихся в Западных Землях, с приказом собраться у Утеса Кастерли. — Вклинился Баквелл. — Вполне логично, что он намерен сражаться, особенно если учесть, что он не знает, что другие мятежные лорды сложили оружие.

Лицо Эйлора ожесточилось.

— Он будет сражаться даже после того, как узнает. — Сумеречный Дракон сквозь зубы выматерился в стиле Манфреда. — Нам следовало убить его до того, как мы покинули

Королевскую Гавань. — Эйлор встряхнул головой. Гнев на дерзость льва и вероломство мастера пылал в его груди, но на краях этого гнева поднималась волна облегчения. Он ожидал гораздо худшего от появления двух своих верных людей. — Это неудача, но не конец света, друзья. Ланнистеру не выстоять против нас, независимо от их численности.

— Это ещё не всё, Эйлор. — Медленно проговорил Баквелл. Он открыл было рот, чтобы продолжить, но слова словно застряли у него в горле.

На помощь ему пришёл Манфред. Он сообщил новость так же прямолинейно, как делал всё остальное в своей жизни.

— Элия мертва. Ланнистер убил её, когда бежал, и пытался убить детей.

Нутро разом похолодело. Эйлор Таргариен услышал позади себя сдавленный крик, краем сознания понимая, что это Оберин, но слова Манфреда — это всё, о чем он мог думать. Издевательски медленно эти слова облачились в картинку перед взором, и он будто бы целую вечность смотрел на труп девушки. Элия мертва. Каменный голос Манфреда звучал в его ушах, снова и снова передавая сообщение. Элия мертва. То, ради чего он сражался, проливал кровь, вырвали из его лап в самый последний момент.

Что-то оборвалось и умерло в Сумеречном Драконе... точнее, в Эйлоре. Он попытался удержать этот вспыхнувший уголёк, от чего лицо его обратилось в безэмоциональную маску, как тогда, при битве с Баратеоном... но в следующий миг, сквозь ледяную маску прорезалось взорвавшееся пламя, искривив красивое лицо Таргариена в уродливый, драконий оскал.

— Я сожгу их всех.

<http://tl.rulate.ru/book/80678/4106838>